

Михаил Роднов

Рец. на: В.Н. Никулин. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 416 с., ил.

Mikhail Rodnov

(Institute of History, Language and Literature, Ufa Science Center, Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: V.N. Nikulin. Krestianskie promysly na Severo-Zapade Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870000144-9

Монография известного историка-аграрника из Калининграда В.Н. Никулина написана в лучших традициях отечественной – российской и советской – научной школы: чёткая структура, безукоризненный научно-справочный аппарат, солидная историография. Книга основана на десятках статей по истории кустарной промышленности. В ней рассмотрены кустарные и отхожие промыслы трёх губерний (Псковской, Новгородской

и Санкт-Петербургской), отдельные главы посвящены основным занятиям местного населения (обработка леса, кузнечно-слесарный промысел, судостроение и судоходство, рыболовство и проч.). Исследование базируется на двух основных источниках: многочисленных статистических сборниках и губернаторских отчётах, хранящихся в РГИА. Треть объёма составляют приложения, статистика губернского

и волостного уровня. Таблицы и диаграммы не перегружают текст, который легко читается и тщательно выверен. Стоит отметить изящное оформление книги, характерное для издательства «Дмитрий Буланин».

Изучение кустарных промыслов конкретного региона чрезвычайно актуально, хотя и воспринимается ныне как второстепенная тема. Если публикация в 1995 г. посмертной монографии К.Н. Тарновского¹ вызвала большой резонанс, то вышедшая через десять лет добротная работа Я.Е. Водарского и Э.Г. Истомина² не привлекла серьёзного внимания. Вообще исследование пережиточных форм хозяйствования, укладов традиционного общества – удел региональной историографии. Хотя кустарные промыслы показывают масштабы многоукладности российской экономики и социальной структуры, и их изучение, без сомнения, могло бы многое добавить в современные исследования экономики Российской империи. Так, например, из книги можно узнать, что гончары Тихвинского уезда везли керамику на собственных лодках в Санкт-Петербург. Гончарная продукция из Кирилловского, Ямбургского, Царскосельского уездов (с. 186–189, 242) непрерывно поступала в столицу, и многие рядовые жители крупнейшего города страны ели из деревенских горшков и плошек. Крестьяне Псковской губ. производили валенки и гармоники, глиняную посуду и бочки, колёса и сани, обувь и всевозможные кузнечные изделия, обеспечивая сами себя изделиями «в двух шагах» от крупнейшего индустриального центра России, когда давно уже привычной стала железная дорога. В монографии приведены непрерывные подсчёты, доказывающие, что доходы от промыслов доминировали или играли очень большую роль в бюджетах селян. Рассуждая о взаимодействии укладов, автор пишет, что отхожие промыслы консервировали «потребляющий характер крестьянского хозяйства» (с. 243).

Любопытно, что в книге о промыслах крестьян значительная часть персонажей не относилась к данной социальной группе. Новгородские сельчане говорили: «Какое наше крестьянство – одно слово крестьянин, а муку покупай с Покрова» (с. 199). «Заготовка плиты для крестьянского населения Путиловского промыслового района была единственным источником существования» (с. 196), в Новгородской губ. среди отходников преобладали женщины (с. 208). Причём такая неоднозначность социальной идентификации сельских жителей наблюдалась не только в губерниях столичного региона. Уральские историки-аграрники не могут разграничить «чисто сельское» население и крестьян, занятых на соседних

заводах³. К примеру, в Уфимской и Оренбургской губерниях проживали многочисленные горно-лесные башкиры, основные доходы которым приносили в XIX в. работы на лесозаготовках, рудниках и приисках, гужевые перевозки, обслуживание горных заводов⁴. При обработке подворных карточек переписи 1917 г. у меня была возможность по каждому населённому пункту определить почти точный удельный вес неаграрного населения. На юге Уфимской губ. обнаружился даже новый «город» – с. Мелеуз с населением 6,4 тыс. человек, из 1 125 хозяйств которого 895 (80%) не сеяли хлеб. А в Уфимском уезде доля неаграрного населения (город, заводы и иные селения) составила около 30% общего количества жителей⁵.

Монография В.Н. Никулина открывает интереснейшую тему для дальнейшего исследования. Выявление в рядах формального (по словарию) крестьянства населения, существовавшего за счёт кустарных и отхожих промыслов, торгово-промышленной и иной деятельности, позволит установить действительные масштабы урбанизации и индустриализации в России начала XX в. Пока они определяются по материалам нескольких переписей (в основном 1897 г.), которые показывают весьма приблизительную картину. К сожалению, в работе слабо привлечены местные архивы, мало использована пресса (хотя столичный регион изобилует периодикой, для сплошного просмотра которой требуются многие месяцы). Можно было больше использовать этнографическую литературу⁶. Но эти недочёты не умаляют важности проведённого исследования, которое представляет интерес для специалиста-историка и краеведа.

Примечания

¹ *Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность дореволюционной России: историко-географические очерки. М., 1995.

² *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004.

³ *Пьянков С.А.* Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX – начале XX века. Екатеринбург, 2014.

⁴ *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981.

⁵ *История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века.* Т. II. Уфа, 2007. С. 127.

⁶ *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы.* Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 6. Курская, Московская, Олонечкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., 2008.